

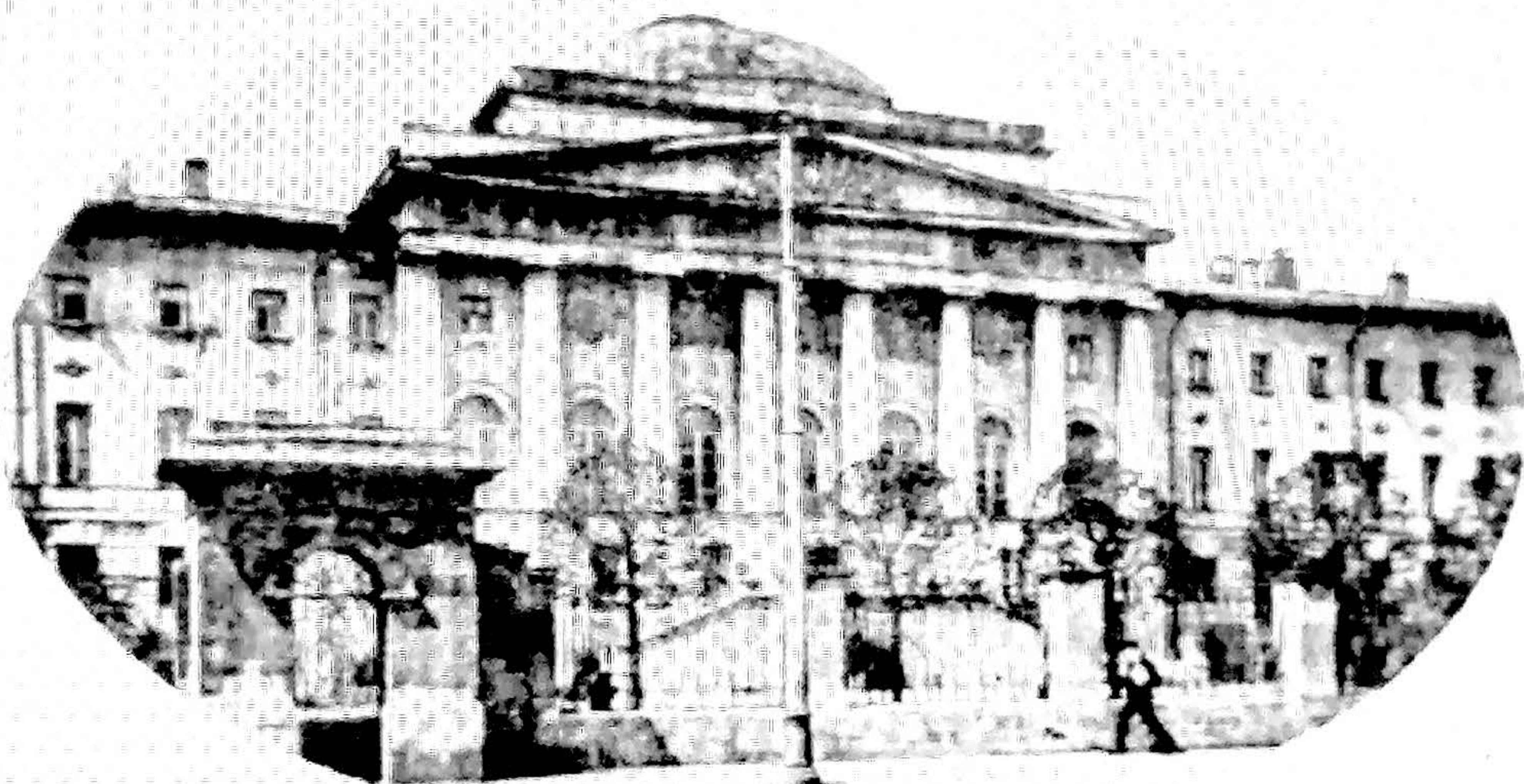
ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

*Литературно-политическія
тетради*

— ТЕТРАДЬ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Январь 1955 года

Старый Московскій Университет.

PARIS

78, av. des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél.: ELYsées 06-03.

“ТРИ СЕСТРЫ”

При том вниманіи, которое в данный момент театральный мір удѣляет юбилею Чехова, вполне понятно, что сынъ Георгій и Людмила Пятыевыхъ, пасаждавшихъ Чехова во Францію, Саша Пятосевъ, задался цѣлью поставить “Три сестры”. Пьеса эта идетъ по вторникамъ в театрѣ “Осень” (вторники этого театра посвящены “идейнымъ” и “пробнымъ” постановкамъ), идетъ при такомъ переполненномъ залѣ и такомъ напряженномъ вниманіи публики, что не было бы удивительно, если бы вскорѣ нашелся театр, который сталъ бы давать “Три сестры” регулярными спектаклями.

Постановка Саша Пятосева сдѣлана очень тщательно и любовно. И это благоговѣйное отношеніе передается публикѣ, которая видимо умиляется ряду деталей тогдашняго русскаго повседневнаго быта.

(Но все-таки — почему у горничной Прозоровыхъ чепчикъ сидитъ подъ затылком?).

Провинціальныи бытъ гарнизоннаго города, журчащій, какъ мелкая рѣчка... Маленькая жизнь маленькихъ людей, больше всего любящихъ “поговорить” и “помечтать”... И на этомъ тускломъ фонѣ выдѣляются три сестры, не какими-нибудь талантами или достиженіями, а своей чисто-желской задушевностью и привлекательностью.

“В Москву! В Москву!” — будущей осенью... Ах, осень прошла, значитъ — весною... Но маленькая жизнь журчитъ да течетъ... и маленькіе люди изъ нея русла не выходятъ. Младшая сестра, Ирина, став невѣстой барона Тузенбаха, чуть было не вырвалась (правда, безъ энтузіазма, потому что безъ любви, и не в Москву), но Тузенбахъ глухо погибъ на дуэли... Горько плачетъ Маша, потому что переведенъ со своимъ полкомъ в другой городъ смѣшной, многорѣчивый, растерянный, по лю-

бный ея полковник Вершинин... И, как бы окаменев, замирает живущая только для других, но еще молодая Ольга.

Играют прекрасно. Молодому режиссеру удалось собрать вокруг себя отличный ансамбль. Сам он играет Вершинина. В роли Ирины красавая Кармен Пятыева внесла очень много оттенков. Татьяна Мухина и Мари Мерже не уступали ей в благородной трактовке ролей Ольги и Маши. Пошлость и злость жены брата, Наташи, выпукло изобразила Констанс Мориа, при этом не без юмора; получается редкая ирония, которая тоже свойственна Чехову. Андрея Prozорова, слабого, недалекого, легко попавшего под башмак молодой фурии, Марк Эгран передал в совершенстве. Но выше всех по исполнению — два актера: Леон Ларив в роли военного врача Чебутыкина, на редкость перевоплотившийся в него и умело останавливающийся на границе буффонады: комизм его никогда не переходит в шутовство и не наносит ущерба задумчивости, которой отличаются пьяница и балагур-доктор, — и Даниэль Эмиль Корф в роли Кулыгина, злополучного мужа Маши; он из него сдѣлал нечто вроде Дон-Кихота в сюртукѣ, пелѣицу и трогательную карикатуру.

МИМОДРАМА

Придя во Францію из Италіи, с образами Пьеро, Коломбины, Панталоне и Арлекина, пантомима была в полном расцвѣтѣ во второй половинѣ XIX вѣка (Гаспар Дебюро и его сын Шарль) и пользовалась еще любовью широких масс, правда, больше в Марселѣ, чѣм в Парижѣ, в началѣ нашего вѣка (мимы Руф, Северен и др.). Потом интерес к ней как-то изсяк, может быть потому, что появилось другое "нѣмое искусство", кинематограф. Но "великій нѣмой" заговорил. Событія чередовались. Вкусы мѣнялись. И вот стала возрождаться пантомима. Ей дал новый импульс Жан-Луи Барро, окружившій себя в своем театрѣ группой молодых мимов, из которой вышел популярный, но очень спорный Марсель Марсо. Но еще раньше их стала культивировать пантомиму наша соотечественница Белла Рейн.

Пріѣхав в Париж из Петрограда, она сначала танцевала акробатическіе танцы с партнером. Извѣстна с ним всю Европу. Затѣм посвятила себя цѣликом пантомимѣ. Но в этой области Белла Рейн стоит особняком. Она занялась исключительно пластической передачей картин знаменитых художников. Тѣм самым она отошла от классической пантомимы. Работая без усталости над мимикой, пластикой, танцем, сливая их в одно неразрывное цѣлое, сама ставя свои номера, она создала нечто новое и безусловно оригинальное, что лучше всего передается выраженіем "мимодрама".

На очередном ея вечерѣ в залѣ Шопен-Плейель, под аккомпанимент композитора Клик-Плейель, Белла Рейн дала новую жизнь картинам различных великих мастеров. При этом она проявила большой вкус, чувство стиля и разнообразіе. То блондинка, то брюнетка, то молодая, то старая, то смѣшная, то возмущенная, она одна весь вечер, не только без партнеров, но даже почти без аксессуаров... а между тѣм, не только ни разу не скучно, а наоборот, боясь пропустить малѣйшее ея движеніе (Нѣтъ потереній!).

Всѣ переживанія ея героинь — будь то сдержанно-страстная “еврейская невеста” Рембрадта, легкомысленная гризетка Ренуара, изможденная прачка Пикассо, изящная, но типичная танцовщица Дега, у которой нѣтъ ни одного движенія, не зарисованнаго этим мастером (а их Бэлла Рейн воспроизвела свыше семидесяти); трагикомическая пьяница Тулуз-Лотреканли, наконец, баба-кукла Кустодьева, — из тѣх, что надѣвают на чайник, — полная такого сочного юмора — всѣ они понятны от начала до конца и характерны для творчества каждаго отдѣльнаго художника. Вѣрная предначертанной им внутренней линіи, артистка дает логическое развитіе содержанию картины.

Обладала, наряду с этим, несомнѣнным режиссерским даром, Бэлла Рейн преподает мимодраму группѣ молодежи и в Парижѣ, и в Цюрихѣ, гдѣ она по два раза в год ведет двухмѣсячный курс.

Нора Лидарссона

Ввиду необыкновеннаго успеха “Трех сестре”, они теперь идут регулярным спектаклем в том же театрѣ Осенге, дирекція котораго заявила в печати, что ни один “вторник” не имѣлъ такой предварительной продажи, как эта пьеса.